

В.В. Ведерников

Нерчинская приписная деревня в контексте кабинетской системы горнозаводского производства XVIII – первой половины XIX в.

V.V. Vedernikov

Nerchinsk Ranked Village in the Context of Cabinet's Mining Industry in XVIIIth – First Half of XIXth Centuries

Речь идет об архаичной эксплуатации нерчинского приписного крестьянства в пользу горных заводов без учета возможностей приписной деревни. Крестьяне не могли обеспечить продовольствием даже себя, что толкало императорский Кабинет к регулярному аннулированию многолетних крестьянских хлебных долгов и безвозмездному предоставлению семян для сева. Министерство финансов 30–40-е гг. XIX в. на практике доказало отсутствие шансов перевести серебросвинцовое производство Нерчинского горного округа хотя бы на самоокупаемость, и в 1851 г. приписное состояние земледельческого населения, за 10 лет до ликвидации крепостного права в России, было отменено.

Ключевые слова: Нерчинский горный округ, приписное крестьянство, серебро, горнозаводская промышленность.

Еще в 1949 г. читинский исследователь В.Г. Изгачев утверждал: «Как мало у нас до сих пор известна история Нерчинских горных заводов. Исторических монографий о Нерчинских заводах не существует... Нет ни одной научной монографии, специально посвященной изучению Нерчинских горнозаводских крестьян и работных людей. В общеисторической литературе Сибири даются лишь беглые и часто противоречивые описания Нерчинских сереброплавильных заводов с упоминаниями о приписных крестьянах» [1, л. 48]. В новейшей историографии исследователи касались лишь поставок нерчинского свинца на Алтай и истории нерчинской заводской пашни [2, с. 18–210; 3, с. 236–248].

Больше для изучения истории Нерчинских заводов сделала дореволюционная историография. В основном речь шла о серебросвинцовом производстве на Нерчинских заводах. По истории подневольной силы есть лишь небольшой по объему исторический очерк, приуроченный к 50-летию реформы 1861 г. [4, с. 109–138]. Советской и новейшей историографии приписного крестьянства Сибири, напротив, присущ недостаток, заключающийся в отрыве изучения этой категории населения от истории самого производства,

The article considers archaic exploitation of ranked peasantry in favour of mining factories without taking into account ranked village's possibilities. Peasants couldn't supply with foodstuffs even themselves, this fact pushed Emperor's Cabinet to annul longstanding bread doubts and donate semen for sowing. At the 30–40s of XIXth century Ministry of Finance had demonstrated absence of any chances to remove the Nerchinsk industry at least at self-repayment. As a result the ranked status of Nerchinsk peasantry was abolished, it happened for 10 years before abolishing of serfdom in Russia in 1861.

Key words: Nerchinsk mining district, ranked peasantry, silver, mining.

с которым было органически связано крестьянское хозяйство.

Русское государство проявляло повышенный интерес к Даурии, наименее освоенной восточной части Забайкалья, находившейся за Яблоновым хребтом. Земледельческое, пашенное освоение Даурии было подчинено интересам горнозаводского производства. Мы выделяем несколько периодов в истории подневольного нерчинского населения.

Первый период в истории подневольного труда (1704 г.) связан с началом постоянной сезонной работы Нерчинского сереброплавильного завода и присылкой первых каторжных (1706 г.). На самом заводе действовал вольный наем. 19 августа 1720 г. по указу Петра I было велено всем мастеровым Нерчинских заводов, крестьянам-переведенцам и мастеровым быть в ведении Берг-коллегии.

Второй этап начался с 1757 г., когда в связи с участием России в Семилетней войне Елизавета Петровна озаботилась увеличением производства серебра на Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводах. Эту же линию продолжила и Екатерина II. Это вылилось в строительство новых предприятий: Павловского и Сузунского заводов в добавок к Барнаульскому

на Алтае и Дучарского и Кутомарского в добавок к заводу Нерчинскому. Это закономерно повлекло за собой и увеличение числа приписных крестьян.

С 1768 г. начался третий этап, связанный с двумя русско-турецкими войнами, когда между Кольвано-Воскресенскими и Нерчинскими заводами началась гонка рекордов производительности труда за счет беспорядочной добычи самых лучших руд в близповерхностном залегании, что преждевременно подорвало рудную базу и тех, и других заводов. К 1778 г. приписка охватила почти все крестьянское население Нерчинского края. Непосредственное участие приписанных к Уральским заводам крестьян Западной Сибири в Пугачевском восстании заставило запретить принуждение крестьян к плавильной и рудничной работам. Манифестом 1779 г. запрещалось требовать от крестьян иных работ, кроме извоза руд, бревен, угля, флюсов, рубки бревен и т.п. Окончательно устанавливается структурное разделение видов подневольного труда между мастеровыми и приписными крестьянами.

Четвертый этап начался со взятием Нерчинских заводов в ведомство Кабинета в 1787 г. С 1780 г. на Нерчинских заводах столкнулись с невозможностью обеспечить наличное количество плавильных печей годовым запасом руд и стали обходиться тем количеством, которое «добудется и поставится на заводы». В 1791 г. Нерчинские заводы впервые принесли убытки, которые стали впоследствии хроническими. В 1797 г. состоялось окончательное подчинение всего крестьянского населения Нерчинского края заводскому начальству. К этому в 10–20-е гг. XIX в. добавилась проблема обеспечения хлебом самих приписных крестьян из заводских сумм. Сложилась странная хозяйственная схема: Алтайские заводы своими прибылями покрывали убытки Нерчинских заводов.

Пятый заключительный этап связан с периодом аренды Министерством финансов Алтайского и Нерчинского горных округов в 1830–1855 гг. В 1831 г. последовала отмена заводской пашни. Попыты обогащения руд и сокращения брака в плавке в 1830–1846 гг. не вывели серебросвинцовое производство на самоокупаемость. Ликвидация заводов, развитие золотодобычи в обеспечение прибыльности Нерчинского горного округа, причисление нерчинского приписного крестьянства в пешие казаки в 1751 г. для заселения Приамурья подвели черту под целой эпохой в истории Нерчинского края.

Начальный этап формирования крестьянских сотен очень мало отражен в документах. До 1760 г. заводоуправления при самом Нерчинском заводе не было. Первоначально управляющим заводом был нерчинский воевода. Затем в 1721 г. появляется заводоуправление, но в Нерчинске, а не на самом Аргунском (с 30-х гг. XVIII в. – Нерчинском) заводе,

в 248 верстах от острога. По этой причине материалы делопроизводства земских изб до нас не дошли.

Императорский Кабинет недолго продолжал практику принудительного переселения крестьян в район Кольвано-Воскресенских заводов (в дальнейшем – КВЗ). В 1759 г. была принята последняя мера. Однако округ Нерчинского завода ведомства Берг-коллегии, напротив, заселялся принудительно.

Напомним, что 19 августа 1720 г. по указу Петра I было велено всем мастеровым Нерчинских заводов, крестьянам-переведенцам и прочим работникам при тех заводах быть в ведении Берг-коллегии. 23 ноября 1721 г. по приговору Берг-коллегии было донесено сибирскому губернатору и Сенату о поселении на Нерчинском заводе 300 или 400 дворов крестьян.

В Наказе кабинет-курьеру Голенищеву-Кутузову 1721 г. находим, что «у того де рудного дела работают охочие люди из найму да переведенцы пашенные крестьяне, а тягла де на них и податей и десятинной пашни не положено; а ссыльные люди работают у того дела человек по шести и по десяти, и в то время дается им корм, хлеб, запас и мясо» [5, с. 215].

В 1723 г. на Нерчинские заводы по приговору Московского надворного суда при посредничестве Тобольской губернской канцелярии было отправлено 26 колодников, всего с женами и детьми 51 чел., трое в дороге умерли, т.е. всего на заводы прибыло 48 чел. К 1726 г. на Нерчинских заводах числилось 823 души приписных крестьян. В 1725–1826 гг. из Западной Сибири было приписано еще 300 семей [6].

Указом Берг-коллегии 13 октября 1731 г. на донесение Нерчинского бергамта об употребленных в работу к распашке земли и посеву ярицы присланных в работу ссыльных предписано: «к работе и домостроительству прилных», по их желанию селить на пашне, давая для поселения землю и семенную ссуду с возвратом без процентов, чтоб «со временем, когда они домами построятся и заведутся, могли переведенным к заводу крестьянам в работах и в подушном окладе спомоществовать» [7, л. 42–42об.].

В 1744 г. приписных крестьян было уже 2150 душ. Согласно другому документу в 1755 г. приписных крестьян насчитывалось 2039 душ: Ишагинской сотни – 244 души, Усть-Урвской – 436, Онохойской – 382, Урвской – 481, Газимурской – 496 душ. Ишагинскую и Онохойскую сотни было положено принудить к казенной пашне. Следовательно, численность приписных на казенной пашне должна была составить 606 чел., а обязанных выполнять заводские работы – 1433 чел.

По ревизии 1763 г. нерчинских приписных крестьян значилось 6062 чел. На Алтае число ревизских душ составляло 40008 чел., т.е. в 6,6 раз больше. В 1773 г. нерчинских приписных крестьян насчитывалось 7507 душ. В 1777 г. численность крестьян достигла

9531 души м.п. и ссыльных, «выпущенных во крестьяне» – 407, всего 9938 душ м.п. В 1783 г. приписных крестьян насчитывалось 11789 душ, сюда не вошли 1963 души, отделенных для хлебопашества. В 1796 г. на Кольвано-Воскресенских заводах число приписных крестьян составило 55286 чел., Нерчинских – 14561 чел., т.е. в 3,8 раза меньше, в 1811 г. – 84715 и 17666 душ м.п. соответственно, в 1833 г. – 112131 душу м.п. и 135007 душ м.п. соответственно. В 1851 г. приписные крестьяне Алтайского горного округа составляли 145 тыс. чел., а Нерчинского – 29 тыс., т.е. в 5 раз меньше.

Таким образом, численность алтайского приписного крестьянства в пять раз превосходила численность Нерчинского на протяжении 70-летнего периода. По данным А.Н. Жеравиной, от общего числа приписных крестьян в стране сибирские приписные крестьяне в течение второй половины XIX в. составляли примерно 24%. В первой половине XIX в., после освобождения уральских приписных крестьян в 1807 г., доля сибирских приписных крестьян выросла от 83 до 87% [2, с. 81].

Суть эксплуатации приписных крестьян состояла в том, чтобы они могли прокормить себя, отработать заводские и земские повинности и обеспечить заводы необходимым провиантом. Заводские повинности составляли следующие виды работ: возка руд с рудников на заводы, рубка дров, доставка бревен на рудники, углежжение и разломка угольных куч и возка угля на заводы, возка бревен для горных крепей на рудники с зачетом подушной подати – с каждой души по одной полушке.

По примеру Урала на Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводах древесный уголь перевозили в 20-пудовых коробах. Но в 1758 г. на Нерчинских заводах для облегчения перевозок был введен 15-пудовый короб, «ибо подлинно за неспособными здесь дорогами больше каждая лошадь поднять и извезти не может», поэтому и угольные кучи закладывались меньше по размерам, и оплата за них была пропорционально меньше.

Единственным горючим материалом почти всю горнозаводскую эпоху служили леса, которые пережигали на древесный уголь. Особенность горнозаводского Алтая – не сплошная тайга, а ленточные боры – предопределили большую «разбросанность» заводов по огромной территории. Крестьяне из дальних мест, томские, например, были вынуждены преодолевать расстояния до 400 и более верст, чтобы добраться до места отработки своей заводской повинности. Кроме того, сооружение завода на Алтае предполагало выбор места с достаточным запасом годного леса, полноводной рекой и крепкими глинистыми берегами. Сочетание этих условий было в равнинной лесостепной зоне, а рудники находились в гористых районах. Поэтому для Алтая характерны огромные расстояния

между предприятиями: Барнаульский завод отделяли 360 верст от Змеиногорского рудника и 880 верст до Зырянского.

В Даурии расстояние от рудников до заводов не превышало 35 верст, но дороги были «неспособными», каменистыми, болотистыми, кочковатыми. Крестьяне были обязаны вывезти 182 пятнадцатипудовых короба угля на двух лошадях в течение 8 месяцев и при этом выручить за извоз от 72 до 76 руб. в год. Но фактически крестьяне использовали для перевозки пять или шесть собственных лошадей, чтобы успеть выполнить работы в зимний период. Зимы в регионе были малоснежными, это делало дорогу более или менее ровной, она часто тянулась по промерзшим до дна руслам речушек, грузы перевозились чаще на телегах, чем на санях. Весной перевозке препятствовал мокрый снег, летом продолжительные двухнедельные ливни, сопровождавшиеся разливами рек. В отличие от Алтая, где грузы перевозились обычно с мая по октябрь, в Даурии грузы перевозили именно зимой.

Помимо заводских работ те же самые приписные крестьяне выполняли по очереди натуральные земские повинности: подводную гоньбу, устройство дорог, мостов, гатей и перевозки по трактам внутри заводского ведомства. Помимо этого, крестьянское общество избирало «сидельцев» и «караульщиков» при соляных складах, целовальников и караульщиков у хлебных магазинов, старост, трапезников и караульщиков в церквях. Денежных повинностей: подушной подати – по 11 руб., за отправление по главному тракту почтовой и уездной подвозной гоньбы по 1 руб. 31 коп. с каждой годной души. Другой источник указывает, что на почтовую гоньбу, содержание почтовых домов, сторожей при них и прочее расходовали 65707 руб. 18½ коп., на волостные правления – 6620 руб. 73¾ коп., а всего 72327 руб. 92¼ коп. и «особо в натуре по оценке обществ» 35148 руб. 13¼ коп., итого на ревизскую душу по 4 руб. 9 коп. повинностей.

В отличие от Алтая природные условия Даурии были малопригодны для земледелия, но при заселении Нерчинского горного округа это не принималось во внимание. Град и засуха были здесь часто повторяющимися явлениями, сильные ветра «выдували» всходы, окончательно посеы погибали от «выпадающих ранних инеев». Беспомощность перед природной стихией из-за эпизоотий скота и ущерба, наносимого урожаю хлебов насекомыми, обрекала большую часть крестьянства на нищенство. Так, например, источник описывает вред, причиняемый урожаю насекомыми: хлеб «иногда пожирает саранча или кобылка, а иногда истребляет корень у хлеба червь и во время налива незрелое зерно выпивается мухою» [8, л. 242].

По данным А.Н. Жеравиной, в 1820 г. в Нерчинском горном округе у каждой из 1051 крестьянской семьи

была одна лошадь, а 605 семей были вообще безлошадными [2, с. 157]. Много это или мало? Источник 1836 г. сообщает, что в тот год насчитывалось 288 сел и деревень с населением 46 тыс. чел. обоого пола, проживавших в 7493 домах [9]. Значит, одна семья состояла в среднем из шести человек. В 1820 г. приписные крестьяне составляли около 40 тыс. душ обоого пола, количество семей будет приблизительно равно 6700. Это значит, что в 1820 г. однолошадными были 16%, безлошадными – 9%, или обе группы вместе составляли 25% от численности крестьянства. Единственная лошадь будет истощена в отработках. Угроза «обезлошадиться» в результате эпизоотии приближалась здесь к 100%.

Архаичный характер эксплуатации нерчинских приписных крестьян состоял в том, что Кабинет не хотел учитывать никакие объективные обстоятельства, сохраняя систему подневольного труда, которая обрекала нерчинских крестьян на нищенство. Бедственное положение нерчинских крестьян было видно невооруженным глазом. В «Сибирском вестнике» за 1823 г. находим: «Один взгляд на сии селения обнаруживает уже бедность жителей. Дома их малы, неправильны и к житию неудобны. Дворы и прислугу их составляют плетни из мелких ветвей березняка. Сии плетни голые с торчащими сухими ветвями, расположенные неправильно, при въезде в жительства производят какое-то невольное уныние духа» [10, с. 30].

Фактически количество трудоспособных приписных крестьян в горных округах Сибири было меньше и не соответствовало официальной раскладке в работы. Генерал-майор Нерчинской области Карл фон Гантвих в 1783 г. писал в Сенат, что «числе же приписанных к заводам крестьян находится немалое количество таких, кои за неспособностью быть в казенных работах отпущены были по заводскому ведомству на свое пропитание и при ревизии вошли в число подушно плательщиков, равномерно из самих крестьян престарелые и малолетние, кои вообще составят против могущих работать половину» [11, л. 500].

В 20-е гг. XIX в. ситуация не изменилась: на 17709 ревизских душ, из которых престарелых, умерших, отданных в рекруты и «выбылых разными случаями» числилось 7603 души (47%), т.е. почти половина, фактически на каждого трудоспособного падало в два раза больше платежей.

Исполнение заводских работ с ноября по март настолько истощало силы крестьян, что они приходили в бедственное положение. С повышением в 1762 г. запросов Колывано-Воскресенских заводов нерчинского свинца с 5 тыс. до 10 тыс. пуд. Берг-коллегия и Нерчинское горное начальство ссылались на крайнее изнеможение крестьян, стремясь уклониться от этой избыточной обязанности. Генерал-губернатор Восточной Сибири Лавинский в ходе ревизии Нерчинских

заводов в 1828 г. отметил, что скот «до вступления еще в пашенную работу, употребляется оный в целую зиму в возку руд, угля и проч. по труднейшим дорогам и почти нисколько не имеет отдыха» [12, л. 26–26об.]. Это положение было причиной двух хронических недостатков: позднего сева хлеба и невозможности расширения скотоводства. Крестьянин ждал, пока изнуренные от зимней бескормицы лошади поправятся на подножном корме и будут способны для весенней пахоты, почва подсыхала, а это негативно влияло на всхожесть.

Крестьяне не могли обеспечить себя, брали в долг хлеб на пропитание, не имея семенного, и, как правило, не могли вернуть свои хлебные долги из-за нескольких последующих неурожайных лет. Бедная часть населения вела бесшабашный образ жизни, брала займы денег под уплату податей и на прокормление семейства, оставляя в залог скот и надеясь покрыть долги наймом в сдельные работы или промыслом белки. Эта часть крестьян, переходя от «долга к долгу» как по хлебным магазинам, так и у частных лиц, копила хронические долги, притом долги наследственные, но по-прежнему изыскивала самые легкие способы получения денег: сеяли только ячмень, овес и гречиху как наиболее урожайные культуры, жатва которых начиналась уже в конце июля. Средняки засеивали хлеб лишь для пропитания своего семейства. Зажиточные могли нанимать поденщиков сроком на год, с которыми они расплачивались деньгами, но им же продавали хлеб по самым высоким ценам и покупали молодой скот подешевле, «усиливая собственное скотоводство».

С 1789 по 1819 г. при хороших урожаях собственное хлебопашество крестьян доходило до 21352 дес., а при неурожаях падало до 8102 дес., т.е. в 2,6 раза. В такое неблагоприятное время местное заводское начальство, желая увеличить посевные площади и тем улучшить бедственное состояние крестьян, снабжало их семенами и ходатайствовало об облегчении их существования в Кабинет. Так, с 1794 по 1797 г. Кабинет, принимая во внимание неурожай хлеба и ужасающую бедность крестьян, «впредь до лучшего урожая» ради «трехгодичного облегчения» участи приписных, задействованных на казенной пашне, уменьшил площадь до одной десятины на душу. В 1798 г. эту практику повторили. Хлебные недоимки с крестьян в период с 1797 по 1806 г. составили 82312 пуд. (или примерно 38% от ежегодной потребности хлеба на содержание заводской команды), причем взыскание хлебных недоимок хотя бы за один только прошедший год покрывало лишь 10% потребности заводов в провиантском хлебе.

В 1802 г. в Иркутске было куплено 160 тыс. пуд. хлеба, который с доставкой обошелся в 2 руб. 60 коп. – 2 руб. 70 коп. за пуд. Но для мастеровых цена на провиантский хлеб была постоянной, т.е. ниже рыночной.

В 1804 г. заводы дали золотистого серебра на сумму 210 тыс. руб., а расходов 228 тыс. руб., т.е. убытки составили 18 тыс. руб. Одной из крупных статей расходов стал провиантский хлеб, покупаемый по цене более 2 руб. за пуд, и распределяемый за 40 коп. с пуда, на котором казна каждый год безвозвратно теряла более 106 тыс. руб. [13, л. 6].

В Сибири феодальные отношения в классическом варианте изначально отсутствовали, но существовала государева десятинная пашня, которая у нерчинских приписных крестьян была сохранена и переподчинена нуждам горнозаводского производства «для отвращения крайности, которой подвергались Нерчинские заводы по продовольствию».

С начала заведения в 1760 г. площадь заводской пашни составляла 570 дес., в год упразднения – 2870 дес., т.е. в 5 раз больше. За обработку заводской пашни на каждую душу в год платилось в 1805 г. – по 40 коп., с 1805 по 1822 г. – по 1 руб., с 1822 по 1831 г. – по 2 руб. Заводская пашня производилась на особых полях, отдельно от «партикулярного земледелия», но фактически она находилась от селений на значительном расстоянии, отчего крестьяне хотя и старались «умножить собственно свои посевы», но не имели времени обрабатывать собственные поля.

Доставляя ежегодно до 90 тыс. пуд. хлеба в год, заводская пашня обходилась заводам по 17¼ коп., за пуд или 16 тыс. руб., тогда как рыночная цена за хлеб в Нерчинском крае достигала 1 руб. за пуд, таким образом, заводы экономили до 74 тыс. руб. в год [12, л. 25]. Такая незначительная плата за работы лишала крестьян возможности увеличивать запашку: крестьянин в казенном хлебопашестве был вынужден либо бросать свою собственную пашню, либо нанимать вместо себя на казенное хлебопашество другого за большую сумму. 1 сентября 1831 г. заводская пашня была упразднена, а земли были розданы крестьянам.

Министерство финансов в период аренды Алтайского и Нерчинского округов (1830–1855 гг.) приняло меры к увеличению посевных площадей. Если в 1835 г. в обороте у приписных крестьян находилось 43110 дес., то в 1844 г. – 71940 дес. В то же время численность приписных крестьян в 1835 г. составила 22865 душ м.п., из которых годных работников насчитывалось 10423 (45,6% от общего числа), а в 1844 г. – 23045 душ м.п., в том числе годных работников – 11610, или половина от общего числа [14, л. 68об.–82об.]. За десятилетие 1835–1844 гг. численность приписных крестьян, годных в работы, возросла на 11%, тогда как площадь запашки увеличилась в 1,7 раза.

«Против засева зерен» урожайность в 1832 г. составляла сам-1,5, то в 1843 г. она составила сам-3, в 1844 г. – сам-2,5, в 1845 г. сам-1,75, в среднем же – сам-2,5 – сам-3. На продовольствие команды требовалось провианта до 215 тыс. пуд. в год. Последний

раз за Байкалом хлеб покупали в 1834 г., а со следующего года стали обходиться хлебом, купленным у нерчинских крестьян. На продовольствие команды требовалось провианта до 215 тыс. пудов в год. Последний раз за Байкалом хлеб покупали в 1834 г., а со следующего года стали обходиться хлебом, купленным у нерчинских крестьян.

Внутреннее потребление хлеба в Нерчинском округе выглядело следующим образом. Годовая потребность в хлебе на одну трудоспособную душу мужского пола составляла 12 пуд. на человека. Численность населения, подведомственного Нерчинскому горному начальству, могла в 1844 г. составлять до 110 тыс. чел., таким образом, требовалось 1320 пуд. хлеба в год, а собрано было 1419 пуд., т.е. его не хватало для покрытия потребности, учитывая, что треть этого количества составлял семенной запас. Невозможно было создать страхового запаса на случай неурожая, которые обычно продолжались до трех лет кряду. Это означает только то, что крестьяне не имели избытка в хлебе, и население продолжало жить впроголодь. Острота ситуации с бедственным состоянием населения Нерчинского горного округа была снижена, но качественного улучшения достигнуто не было.

У разночинцев (до 12 тыс. годных работников) в запашке в 1834 г. находилось 3277 дес., в 1835 г. – 5002, а в 1844 г. – 4289 дес. Ими было собрано урожая в 1835 г. – 210 тыс. пуд., а в 1844 г. – 184 тыс. пуд. Следовательно, общее количество трудоспособных и нетрудоспособных разночинцев мужского пола составляло 24 тыс. чел., а обоого пола – примерно 48 тыс. чел., т.е. почти столько же, сколько крестьян, но крестьяне выращивали хлеба в 17 раз больше. Разночинцы закупали у крестьян 89 тыс. пуд.

Крестьяне продавали до 30 тыс. пуд. хлеба в Нерчинск для содержания военной команды и пограничных казаков, до 20 тыс. пуд. – для населения Нерчинска и потребностей винокуренного завода, 50 тыс. пуд. – для Петровского завода и Верхнеудинска. Причем эта продажа осуществлялась независимо от внутренней потребности Нерчинского горного округа в хлебе.

На Нерчинских заводах, как и по всей Сибири, практиковалась переложно-залежная система земледелия. Как указывает источник, «лучшие земледельцы стараются по изобилию здесь свободных мест распахивать вновь залог, который из-под первого посева переходят в перелог, засеваются другого рода хлебом. По съеме оного состоятельные земледельцы оставляют эту землю на год для отдохновения в залежи, а в следующий третий год с отросшею на них травую, в большей части лебедю, удобряющую при перепашке вместо унавожения парят, таким образом перепашанная земля два раза в лето, называемая двойной пар, выгодна под посев хлеба разного рода» [15, л. 77].

Земли не уваживались. При возделывании земли употреблялись обычные в Сибири сохи с двумя сошниками, запрягаемые двумя лошадьми, обслуживаемые двумя работниками. С 1832 г. были введены «цабаны» – сохи с одним сошником на двух колесах, запрягаемые двумя лошадьми, обслуживаемые одним работником. Они были разосланы во все волости округа. Источник 1834 г. отмечал, что эти цабаны «в значительном уже числе употребляются с пользою». Зажиточные крестьяне заводили себе плуги с лемехом для подъема пластов целины, «не расчищая мелкого лесу от корней, пашут на шести быках при двух работниках по полудесятине в день».

Из сельскохозяйственных культур возделывали пшеницу, ярицу, рожь, ячмень, гречиху, просо, а также технические культуры – коноплю и лен. В 1822 г. горное начальство стало распространять посевы озимой ржи, поскольку урожай яровых составлял сам-3, а озимой ржи – сам-4. До 1830 г. во многих местах озимой рожью засеивали до половины площадей. В 1827 г. последовало улучшение зерновых культур, стали внедрять «гималайский и небесный ячмени» и «пшеницу бухарскую». Быстроте распространения новых сортов способствовали неурожаи. В результате сбор гималайского ячменя в 1834 г. достиг 40 тыс. пуд. Из Нерчинских заводов новые сорта зерновых распространяли далее по Сибири, а иногда даже в Европейскую Россию, в количестве «кто сколько желает получить». Разведением картофеля здесь стали заниматься с 1782 г., причем в огородах на грядках, но иногда и на полях. Урожай картофеля доходил до 241 тыс. пуд.

Любопытные данные можно извлечь из Ведомостей о посеве и урожае огородных овощей за 1818–1821 гг., из которых следует, что крестьяне выращивали картофель, морковь, свеклу, редьку, репу и капусту. Посадки картофеля хотя имелись у всех крестьян, но были небольшими, как показано в ведомости, от трех до 10 гряд. У большинства имелись посадки редьки от полгряды до двух гряд. Более половины крестьян сеяли морковь и свеклу. Капуста была распространена не во всех селениях. Среди «огородных овощей» источник 1844 г. почти не указывает картофеля. Согласно данным по Читинской волости за 1848 г. картофеля на полях и огородах посеяно 2710 пуд., т.е. примерно 14 кг на человека.

Как и на Алтае, с земледелием было связано скотоводство, прежде всего коневодство, поскольку кони были необходимы и для возделывания пашни, и для отработки заводских повинностей. Скотоводство развивалось исключительно на базе местных пород. В середине XVIII в. монголы часто и безнаказанно воровали у русских крестьян лошадей, оттого, что казацкие пограничные караулы были поставлены весьма редко. По официальной статистике, с 1739 по 1756 г. было угнано 1740 лошадей. Причем самые

крупные отгоны произошли в 1749 г. из Уровской сотни (200 лошадей) и в 1755 г. из Онохойской сотни (305 лошадей). Конокрадством занимались и тунгусы, кочевавшие по Аргуни. Они сбывали коней в Монголии. Воровство было для них способом существования, взыскать ущерб «с тех воров тунгусов» было невозможно «из-за их нищеты». На границе часто возникали «неуказные» торги скотом между крестьянами и китайцами.

Население разводило крупный рогатый скот, ситуация с содержанием которого была одинаковой во всех частях Сибири. Большинство крестьян не запасало сено на зиму, «в чаянии, что благоприятная весна не лишит их последнего достояния». По примеру «ленивых азиатцев» крестьяне пытались переходить на скотоводство в ущерб земледелию, летнее время проводили в заготовках сена, не успевая заготовить достаточно кормов на зиму. Полуголодные животные зимовали под открытым небом. Весенние метели наносили поголовью значительный урон – скот погибал иногда полностью.

Немногим крестьянам удавалось вскармливать рождающихся телят, поэтому не могли получать от коров молока. Управляющий Дучарским заводом писал, что во всем крае коровы не дают молока. Также он сообщал одну подробность: «Нельзя не упомянуть при этом случае о странном средстве, которым отчасти отвращают здесь помянутое неудобство. Оно состоит в том, что с погибшего теленка снимают кожу и набивают соломою и кладут перед матерью, которая вводится в обман, ласкает безжизненную кожу своего теленка и снабжает еще, хоть скудно, молоком» [16, л. 15об.]. Скотоводство развивалось на базе местных пород скота.

Лошадей и быков горное начальство приобретало для заводских нужд. На заводах на водном действии с апреля по октябрь на печах расплавляли до 240 пуд. руды в сутки; когда водное действие прекращалось, использовали скот, плавка снижалась до 90 пуд. в сутки из-за «усильной худобы и малости скота». Зачастую в зданиях с коннодействующими машинами не было деревянного пола. Лошадей использовали для приведения в движение воздуходувных мехов, а быков предпочитали применять на перевозке руд.

Источник 1793 г. рисует следующую картину состояния скота на Дучарском заводе: «большая половина (скота. – В.В.) перебыла в болезни, у быков оказывалась в роте на языках пупырья, от коих они не могли есть сена и точили пены и от того отошдали, но за помощью божию оных пользовали примером партикулярных людей, у каждого, кто имеет рогатого скота, была та же болезнь и ныне есть, как и у казенных, полагая оным в рот соли, которою же пупья жванием растирало и приходят в совершенное здоровье. Быки ж казенные во всегдашних необходимо нужных работах обращаемы были, и многие по бесснежности до

сего пути под копытами обтерли кожи почти до мяса и от того хромают, а лошадей к вождению на все машины за употреблением в разездах и за болезнями» [17, л. 298].

Встречается и овцеводство, но не повсеместно. Овец не разводили там, где не было «выгодных пастбищ», а животные были больше подвержены болезням и падежу «по суровому климату». Согласно данным по Читинской волости за 1848 г., численность населения составляла 1507 душ м.п. и 1695 душ ж.п. Имелось лошадей – 3149, коров – 3878, овец и коз – 9621.

Как правило, скотоводством с успехом занималось население, свободное от заводских работ, прежде всего станичные и пограничные казаки, купцы, проживающие в селениях, и местное кочевое население. По данным за 1840 г., горный инженер Аникин держал 12 лошадей, 16 коров, 6 овец и 6 свиней, горный инженер Мелехин – 24 лошади, 20 коров, 10 овец, 2 свиньи, гиттенфервалтер Федор Яковлев – 32 лошади, 30 коров, 75 овец, одну свинью, унтер-шихтмейстер Тит Плотников – 29 лошадей, 7 коров, 6 овец и 2 свиньи [9, л. 175–201]. Как указывает источник, «у крестьян и служащих содержится скотоводство, необходимо нужное для работ и собственного пропитания» [15, л. 78 об.].

Далеко не сразу бедственное положение нерчинских крестьян стали считать главной проблемой региона. Если источник 70-х гг. XVIII в. указывает «обнаженность людьми», неурожаи хлеба и руды в качестве главных проблем, то начиная с 1790 г. рудный недостаток считался бичом нерчинской промышленности и ведущей причиной убытков. Производство велось ради снабжения Алтайских заводов свинцом, поэтому было установлено правило, что Алтайские заводы своими прибылями покрывали убытки Нерчинских заводов. Поставка нерчинского свинца во что бы то ни стало надрывала производительные силы региона, и в 20-е гг. XIX в. чудовищная эксплуатация нерчинских крестьян уже воспринималась как анахронизм исходя из гуманных воззрений не только Нерчинского горного начальства, но и начальника Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролова, распространялась эта точка зрения и в столице.

Министерство финансов в период аренды видело в 1830–1840 гг. путь увеличения производства

на Нерчинских заводах в обогащении руды, однако в итоге это предложение не стало прибыльным. Вторым шагом стало приложение больших усилий к улучшению металлургических процессов в 1840–1850 гг. В течение первого двадцатилетия аренды Министерство финансов на практике доказало невозможность достичь рентабельности Нерчинского горного округа, находясь в рамках исторически сложившейся хозяйственной схемы.

И вот в 1851 г. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева как главного начальника Нерчинских заводов 29 тыс. приписных крестьян были переведены в пешие казаки в целях заселения Приамурья. Эта мера, а также переброска рабочей силы на золотые промыслы кардинально улучшили ситуацию с материальным положением населения, но необратимо подорвали кабинетскую серебросвинцовую промышленность. Хотя Н.П. Матханова объясняет причины этой меры антикрепостническими взглядами Муравьева [18, с. 159], данные действия генерал-губернатора вытекают еще и из всей логики упомянутых выше событий конца XVIII – первой половины XIX в.

Таким образом, невыгодные природно-географические и климатические условия обрекали земледельческое население Восточного Забайкалья на нищету и голод чаще, чем жителей других регионов Сибири. Выполнение ежегодного наряда свинца для поставок на Колывано-Воскресенские заводы осуществлялось без учета возможностей нерчинской приписной деревни и ложилось на нее непосильным бременем. Как следствие, крайняя степень обнищания часто вынуждала Кабинет списывать крестьянам их многолетние хлебные долги и даже безвозмездно предоставлять семенной хлеб. Тем самым Кабинет невольно нарушал базовый принцип эксплуатации, при котором нерчинская приписная деревня, подобно алтайской, должна была служить дешевым механизмом обеспечения горнозаводских предприятий провиантом и материалами.

Бесчеловечность и бессмысленность архаичной эксплуатации, признаваемая еще в 20-е гг. XIX в., повлекла упразднение заводской пашни в 1831 г. и отмену приписного состояния земледельческого населения Нерчинского горного округа в 1851 г.

Библиографический список

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. Р-2597. – Оп. 1. – Д. 250.
2. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.) – Томск, 2005.
3. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. – Барнаул, 1997.
4. Лебедев Г.Я. Исторический очерк крепостного состояния Нерчинских горнозаводских крестьян // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. – Чита, 1913. Вып. 10.
5. Памятники Сибирской истории XVIII века. – СПб., 1885. – Кн. 2. Документ 56.

Нерчинская приписная деревня в контексте кабинетской системы...

6. Полное собрание законов Российской империи I (ПСЗРИ-I.) – Т. XVI. – №11891.
7. ГАЗК. – Ф. Р-2597. – Д. 258.
8. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 422.
9. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 1240.
10. Сибирский вестник. – СПб., 1823. – Ч. I–IV.
11. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 243.
12. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 1033.
13. ГАЗК. Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 470а.
14. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 1669.
15. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 1164.
16. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 1082.
17. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 292.
18. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири. – Новосибирск, 1998.